

Виктор Финкель

МОСТЫ

МЕЖДУ
АМЕРИКАНСКОЙ

и

РУССКОЙ
ПОЭЗИЯМИ

Виктор Финкель

МОСТЫ

**между
американской
и
русской
ПОЭЗИЯМИ**

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

БОСТОН • 2024 • ЧИКАГО

ВИКТОР ФИНКЕЛЬ

Мосты между американской и русской поэзиями

Избранные работы

Второе издание

Редактор Юлия Тимошенко

Viktor Finkel

Bridges Between American and Russian Poetry

Selected Works

Second edition

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2024 by Viktor Finkel

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-47-0

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Cover Design by Larisa Studinskaya

Author's photo by Michael Polyakov

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Эмили Дикинсон	
Поэзия Эмили Дикинсон и цензура в бывшем Советском Союзе (1969–1982)	11
The Poetry of Emily Dickinson and Censorship in the Former Soviet Union (1969–1982)	23
Точность перевода поэзии Эмили Дикинсон на русский язык (1969–1992)	34
Russian Translations of Emily Dickinson’s Poetry (1969–1992).	52
Научное провидение Эмили Дикинсон.	76
The Scientific Foresight of Emily Dickinson.	96
Глава II. Марина Цветаева	
Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой.	113
Божественное и мирское в жизни Цветаевой	157
Музыкальная компонента поэзии Цветаевой	173
«В иголку продеваю — луч...» Естественно-научный мир в многомерном пространстве поэзии Марины Цветаевой	196
Глава III. Дикинсон и Цветаева	
Мост между американской и русской поэзиями. Дикинсон и Цветаева. Общность поэтических душ.	239
Глава IV. Дикинсон и Ахматова.	
Соприкосновение великих поэзий	
Второй мост между американской и русской поэзиями	293
Emily Dickinson and Anna Akhmatova. Intersection of Two Great Poetries	304

Предисловие

В этой книге рассматривается соположение творчества трех великих поэтов мира: Эмили Дикинсон, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой.

В случае Дикинсон–Цветаевой речь идёт о мощном, многовариантном и многослойном пересечении поэтических массивов, а зачастую и о тождественности поэтических строк, стихотворений и методов. Отсутствуют какие-либо указания о том, что Цветаева знала творчество и само имя Эмили Дикинсон. Во всяком случае, автору они не известны. Это позволило автору говорить о родстве поэтических душ Эмили Дикинсон и Марины Цветаевой.

В случае Дикинсон–Ахматовой речь идёт об ажурном соприкосновении двух великих поэзий.

Складывается впечатление, что в нашем суровом и разделённом мире подлинно Великая Поэзия, помимо всего прочего, способна и объединять...

Автор приносит глубокую благодарность переводчикам ряда разделов книги на английский язык: [Ms. Beatrice Yusem], Софе Носовой, Ривке Поляковой и [Татьяне Поляковой].

Я глубоко благодарен Joshua Lam, моему редактору в *The Emily Dickinson Journal*, за напряжённую работу с моей статьёй, одобряющую и поощряющую поддержку, и исключительное терпение.

Я благодарен профессору Вере Зубаревой за поддержку и помощь.

Я благодарен профессору Sibelan Forrester за помощь в подборе литературы.

Я сердечно признателен моей дочери [Татьяне Поляковой] за всестороннюю многолетнюю поддержку и помощь на всех этапах выполнения настоящей работы.

Я сердечно благодарю:

Анну Макарову, Михаила Полякова, [Татьяну Полякову] и Михаила Финкеля за помощь при подготовке книги к печати.

Глава I

Эмили Дикинсон

Поэзия Эмили Дикинсон и цензура в бывшем Советском Союзе* (1969–1982)

В результате многих десятилетий тотальной изоляции и цензуры широкая культурная общественность Советского Союза была в полном неведении о творчестве и самом имени Эмили Дикинсон. Русскому читателю было позволено познакомиться с нею впервые лишь в 1969 году (!). Это определялось фантазмагорической атмосферой СССР, царящим в нём духом ненависти к Западу и США. Для того чтобы визуально представить себе иррациональность навязанной коммунистической партией стране идеологии приведём официальный учебник издательства «Просвещение» «История американской литературы» под редакцией профессора Н. Н. Самохвалова (Москва, 1971) [1]. В предисловии к книге (стр. 4–5) имеются два пассажа, бесосновательно высокомерное и маразматическое содержание которых очевидно:

«Учебников по американской литературе для высших учебных заведений в США создано множество, но ни один из них не воссоздаёт объективный ход развития американской литературы. Это и понятно: буржуазное литературоведение игнорирует ведущую роль народных масс в историческом процессе... недооценивает роль трудового народа как творца культурных ценностей [...] Воссоздание объективно правильной картины развития американской литературы возможно лишь на основе марксистско-ленинского анализа литературных явлений на базе ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре, с учётом высказываний В. И. Ленина о революционных традициях американского народа» (стр. 4, 6). На этой книге стоял следующий гриф: «Допущено Министерством просвещения СССР в качестве

* Опубликовано: *Финкель В.* // Слово/Word. — № 58, 2008. — С. 148.

Финкель В. Поэзия Эмили Дикинсон через призму русского перевода в бывшем Советском Союзе 1976–1982 // Russian Language Journal. — Winter-Spring-Fall, 2000. — Vol. 54, № 177–179. — С. 201–238.

Финкель В. Дикинсон и Цветаева. Общность поэтических душ. — Филадельфия, 2003. — 247 стр.

учебного пособия для студентов факультетов иностранных языков педагогических институтов».

Что же удивляться, что на страницах этого двухтомного издания для будущих литераторов-профессионалов не нашлось места не только для творчества Эмили Дикинсон, но и для упоминания самого её имени! По недосмотру цензуры на форзаце книги среди двадцати четырёх выдающихся американских писателей и поэтов остался лишь крохотный портрет поэта.

Между тем, Эмилия Элизабет Дикинсон — одна из немногочисленной череды великих поэтов Америки и мира. Говоря «великий», я имею в виду вневременной характер её поэзии, плывущей над социальными и техническими эпохами, над царствами, деспотиями и республиками (“I just wear my Wings”, #324, PNT¹). Она оперирует вечными и непреходящими ценностями природы, глубинными основами Человека и апеллирует лишь к Высшему смыслу, к высокоинтеллектуальной и духовной сущности Личности. Плывая над мелькающими материками, странами и веками, великий поэт неограниченно часто посещает прошлое и, что гораздо интереснее, подобно машине времени, периодически проникает в будущее. Говоря о перфорации границы между Вчера, Сегодня и Завтра, я имею в виду не метафору — великий поэт, осознавая или не осознавая этого, способен посещать, по меньшей мере ментально, грядущие времена и иные миры и быть провидцем, опережающим Время. Именно поэтому великий поэт принадлежит не просто и не только нашему миру, но и всей Вселенной. Эмили Дикинсон — как раз из этой космической плеяды. Её поэзия изначально приемлет беспредельную множественность миров (“This World is not Conclusion”, #501, Dickinson — «Наш мир не завершён»²), пространств и времён (“Time feels so vast that were it not / For an Eternity — / I fear me this Circumference / Engross my Finité—”, #802, PNT).

Неудивительно поэтому, что поэзию Дикинсон читают во всём мире. С огромным и нарастающим во времени интересом читают её и в России [2, 3]. О некоторых особенностях её издания на русском языке в бывшем Советском Союзе между 1969-м и 1982 годами и пойдёт речь. При этом рассматриваются, в первую очередь, ёмкость переведенной поэзии, тематика перевода, его интеллектуальная и духовная насыщенность. Используются русские переводы, приведённые в пяти изданиях Emily Dickinson (1969, 1976, 1976, 1981, 1982) [5–9].

Оригинальная поэзия Дикинсон цитируется по классическому изданию под редакцией Thomas H. Johnson “The Complete Poems of Emily Dickinson” [4], в котором все стихотворения пронумерованы. Та же самая нумерация используется в настоящей работе.

Поэзия Эмили Дикинсон основана, по крайней мере, на следующих фундаментальных позициях: Бог и религия, поэзия и поэт, смерть, мудрость, наука и разрушение. Общее количество стихотворений Дикинсон — 1775. Из оригинальных стихотворений, посвященных религиозной тематике, на русский язык переведено 13,4%. Из стихотворений, посвященных смерти, — 16,7%. Мудростная компонента отражена полнее — 17,9%. Наука — ещё лучше — 27,8%. Эта фундаментальная поэтическая ветвь, как и разрушение (59,9%), переведены безусловно представительно. Содействовал этому, конечно же, интернациональный, точнее, вне-, более того, наднациональный характер точных наук.

В чём дело? Откуда такая разница? Всё очень просто. Это результат работы цензоров в период «холодной» войны. Другими словами, вмешательство коммунистической идеологии и государства в литературу!

Бог и религия

Поэзия Эмили Дикинсон — это глубоко религиозная поэзия. Как по сути своей, так и по терминологической насыщенности она содержит практически весь спектр библейских и религиозных обозначений, включающих Высший смысл, персонажи, географическую и религиозную локацию, имена. В целом, по самым грубым оценкам, в 1775 стихотворениях Дикинсон содержатся не менее чем 764 термина из этого направления.

В русской литературе в обсуждаемые годы (1969–1982) никаких литературоведческих исследований, посвященных Эмили Дикинсон, тем более анализирующих религиозную компоненту её поэзии, не было вообще. Перед советскими издательствами и переводчиками открывалась возможность ознакомить читателя с подлинными религиозными взглядами Дикинсон. Но это полностью расходилось бы с ожесточенной антирелигиозной идеологической линией партии. Поэтому из уникального поэтического массива Эмили Дикинсон и из её многомерного дивергентного религиозного пространства были тенденциозно выхвачены и пе-

реведены стихотворения, долженствующие свидетельствовать, по мнению партийных идеологов, о неприятии Дикинсон Бога и неприязни её к религии. Здесь просматривается настоящая пропагандистская система времён «холодной» войны.

Вначале это учёный, не скрывающий своей ироничности в стихотворении #185, в котором поэт противопоставляет науку слепой, но не любой вере:

“Faith” is a fine invention
When Gentlemen can see —
But microscopes are prudent
In an Emergency.

MR³, VD⁴

Вера — прекрасное изобретение
Для «зрящих незримое», господа.
Но осторожность велит — тем не менее —
И в микроскоп заглянуть иногда.

Затем это неприятие ею изначальных религиозных основ, когда Дикинсон сомневается в обещаниях райской жизни после смерти для всех страдающих на Земле (#301):

I reason, that in Heaven —
Somehow, it will be even —
Some new Equation, given —
But, what of that?

MR, VD

Допустим — в райских селениях
Всё разрешит сомненья
Новое уравнение —
Но что из того

Далее следует пренебрежительное отбрасывание Бога (#1551):

Those — dying then,
Knew where they went —
They went to God’s Right Hand —
That Hand is amputated now
And God cannot be found.

The abdication of Belief
 Makes the Behavior small —
 Better an ignis fatuus
 Than no illume at all.

MR, VD

Когда-то — в предсмертный миг —
 Знали — ведёт напрямик
 В Божью Десницу стезя —
 Но эта рука ампутирована
 И Бога найти нельзя —

Низложение Веры
 Наши дела мельчит —
 Лучше блуждающий огонёк —
 Чем ни просвета в ночи.

И, наконец, нескрываемое и оскорбительное для религии презрение в #1623:

A World made penniless by that departure
 Of minor fabrics begs
 But sustenance is of the spirit
 The Gods but Dregs

MR, VD

Мир — обнищенный их отъездом —
 Ищет ветошь по сходной цене —
 Но прокормит его лишь собственный дух —
 Боги — спивки на дне.

Этот ряд искусственно вырванных советскими издательствами стихотворений из огромного творчества большого религиозного по сути поэта может быть продолжен без труда. Подобный выборочный перевод при оттеснении в тень основного массива произведений является методом идеологической войны и, безусловно, рассчитан на дезинформацию советского читателя в целях проведения, в данном случае, антирелигиозной пропаганды.

Искренняя и неподдельная вера Дикинсон, конечно же, не секрет ни для переводчика (И. Маркова), ни для издательства («Художественная литература»), но они считают себя находящимися в окопах «холодной» войны на её идеологическом и рели-

гиозном фронте. И это становится очевидным, когда они вынуждены познакомить читателя с религиозным мышлением Эмили Дикинсон в стихотворении #1601:

Of God we ask one favor,
That we may be forgiven —
For what, he is presumed to know —
The Crime, from us, is hidden —
Immured the whole of Life
Within a magic Prison
We reprimand the Happiness
That too competes with Heaven

MD⁵, VD

«Прости нас!» — молим мы
Того — кто нам невидим.
За что? Он знает — говорят —
Но нам наш грех неведом.
В магической тюрьме —
Всю жизнь на свет не выйдем! —
Мы счастье дерзкое браним —
Соперничает с Небом.

Переводчик передал основной смысл произведения за исключением одной «маленькой детали» — он опустил слово Бог!!! Естественно, что это изменило фундамент стихотворения. Действительно, кто это такой — «кто нам невидим»? Это ведь может быть, собственно говоря, кто угодно...

Между тем, у объективного читателя складывается впечатление, что Дикинсон постоянно ведёт дискуссию с Высшим смыслом, но... стоя на коленях и молясь при этом! Она, безусловно, осознаёт жизненную необходимость религии, как и то, насколько трагична потеря веры в Бога (#1062):

Groped up, to see if God was there —
Groped backward at Himself
Caressed a Trigger absently
And wandered out of Life.

MR

Пошарил — на ощупь — есть ли бог?
Вернулся — на ощупь — в себя самого.

Погладил курок рассеянно —
 Побрёл наугад — из жизни вон

В действительности, Дикинсон глубинно верующий человек, и об этом свидетельствуют многие десятки стихотворений. Например, #626:

Only God — detect the Sorrow —
 Only God —
 The Jehovahs — are no Babblers —
 Unto God —
 PNT
 God the Son — confide it —
 Still secure —
 God the Spirit's Honor —
 Just as sure —

В этом стихотворении восемь строк. При этом Бог упоминается пять раз, Иегова — один раз, Сын — один раз, душа — один раз. Не удивительно, что стихотворение не было переведено.

Представлен ли религиозный раздел поэзии Дикинсон в русских переводах? Представлен, но совершенно недостаточно. Огромная работа переводчиков — в первую очередь В. Марковой и И. Лихачёва — не могла, вероятно, не встретить препятствий и непреодолимых барьеров воинствующей антирелигиозной коммунистической идеологии. И даже вольнодумствующий, почти еретический оттенок религиозных канонов в поэзии Эмили Дикинсон был неприемлем для русской цензуры брежневских времён. Сюда добавился и государственный антисемитизм, который воспрепятствовал, например, любому упоминанию Израиля, Назарета, Иерусалима или Ханаана, а это более двадцати стихотворений великого поэта!

Смерть

Категория Смерти является одной из важнейших в поэзии. Анализ контрольных слов показывает, что этот и смежные с ним термины встречаются на страницах Дикинсон не менее чем 364 раза, т. е. почти в каждом пятом стихотворении. Эта категория

представлена в русских переводах в относительно большем количестве, чем религиозная тематика. Тому была, по меньшей мере, одна причина: это непреходящее, маниакальное стремление советской идеологии представить западный мир и прежде всего Америку как области упадка, разложения и декаданса. Кто уж там будет разбираться, в каком веке жила Дикинсон? Вместе с тем было и сдерживающее начало — не заразить бы пессимизмом ура-оптимистическое и инфантильно-«чистое» советское общество, строящее самый светлый путь в «стерильное будущее лучшего из миров». Этими соображениями, вероятно, и определялось количество переведённых стихотворений и их содержание. Пожалуй, лучшим из переведённого является стихотворение #712:

Because I could not stop for Death —
He kindly stopped for me —
The Carriage held but just Ourselves —
And Immortality.

...

MR

Раз к Смерти я не шла — она
Ко мне явилась в дом —
В её Коляску сели мы с
С Бессмертием втроём.

...

Перевод И. Лихачёва

Подобное звучание смерти, как удобного антипода бессмертию, жизни и красоте, встречается в переводах достаточно часто. Например, в #172:

Life is but Life! And Death, but Death!

MR, VD

Жизнь — только Жизнь. Смерть —

только Смерть.

В этом же «оптимистическом» ключе выдержана, а стало быть, и «приемлема» версия проигрыша Смерти (#455), пусть даже вере, тем более что это слово в русском языке, помимо религиозного, имеет и смежное и обыденное звучание — надежда:

There's Triumph in the Room
 When that Old Emperor — Death —
 By Faith — be overcome —

MR

Триумф в четырёх стенах:
 Старая владычица — Смерть —
 Верой побеждена.

И, кстати говоря, подобная логика доминирования над смертью не только надежды, но и любви действительно присутствует в поэзии Дикинсон, более чем на полстолетия опережая М. Горького. К примеру, в #924:

Love — is that later Thing than Death —
 More previous — than Life —

PNT

Однако в главном смерть у Дикинсон — это реперная точка, линейка, итоговый масштаб любого явления, более того — это наука. Поэтому “The Science of the Grave” (#539, PNT), или “...I have learnt — / An Altitude of Death... / Yet — there is a Science more —” (#740, PNT), или “The Days that we can spare / Are those a Function die” (#1184, PNT). Более того, Дикинсон воспеваеа Смерть: “Ecstasy of death” (#165, PNT) — «Смерти экстаз» и поэтизирует её: “Dying at my music” (#1003, PNT). И в этом направлении она явно достигает трудно осмысливаемой крайности: “I like a look of Agony, / Because I know it's true —!” (#241, PNT). Для того чтобы понять, в какой степени понятие Смерти органично в поэзии Дикинсон, достаточно сослаться на стихотворение #705 (PNT) из восьми строк, в котором Смерть (Death) употребляется три раза, Perish — один, Die — один, Annihilation — один и Immortality — один раз! Справедливости ради укажем, что по меньшей мере четыре стихотворения из этого цикла были переведены И. Лихачёвым. Это ##705, 712, а также #1078:

The Bustle in a House
 The Morning after Death
 Is solemnest of industries
 Enacted upon Earth —

MR

Вся суета в дому,
Где совершилась Смерть —
Значительнейшее из дел,
Творимых на Земле —

и #1691:

The overtakelessness of those
Who have accomplished Death
Majestic is to me beyond
The majesties of Earth.

MR

Ненастигаемость того —
Кто Смерть осуществил —
Величественней для меня
Величья на земле.

Перевод последних был явно флуктуацией, вырывающейся за официально разрешаемые барьеры. Но само существование барьеров и преград, порой непреодолимых, сомнению не подлежит, о чём свидетельствуют сотни непереведённых в те годы и оставшихся неизвестными русскому читателю произведений Дикинсон и, в частности, #976:

Death is a Dialogue between
The Spirit and the Dust.
“Dissolve” says Death — The Spirit “Sir
I have another Trust” —

PNT

Показательным является блистательное отсутствие в списке переведённых стихотворений произведения Эмили Дикинсон #335, способного быть истолкованным цензорами, напряжённо искавшими скрытый смысл, как намёк на безысходно тяжёлую обыденную жизнь граждан СССР в те годы:

“Tis not that Dying hurts us so —
“Tis Living — hurts us more —

PNT

Мудрость

Контрольными словами, определяющими эту категорию, избраны *infinity, immortality, eternity, life, everlasting*. Их количество в оригинальной поэзии Эмили Дикинсон не менее чем 234. В русских переводах эти слова встречаются относительно не реже 42 раз (17,9 %), что может быть истолковано определённо — эта часть поэзии поэта переведена достаточно представительно, во всяком случае, пропорционально полно. Это и понятно — эти стихотворения не противостояли официальной идеологии. И, как всегда, стоит навязанной обществу палочной идеологии отойти в сторону, как поэзия расцветает.

Примечания

1. Стихотворение не переводилось в 1969–1982 годы. The poem was not translated at 1969–1981 (PNT).
2. За исключением специально оговорённых случаев, все приведённые переводы выполнены В. Марковой.
3. При переводе стихотворения на русский язык смысл сохранён. The meaning is retained in translation (MR).
4. При переводе лексика отклоняется от использованной в оригинале. The vocabulary is deviated (VD).
5. При переводе стихотворения на русский язык смысл искажён. The meaning is distorted (MD).

Литература

- [1] История американской литературы / Под ред. проф. Н. Н. Самохвалова. — М.: Просвещение, 1971.
- [2] Финкель В. Поэзия Эмили Дикинсон через призму русского перевода в бывшем Советском Союзе 1976–1982 // *Russian Language Journal*. — Winter-Spring-Fall, 2000. — Vol. 54, № 177–179. — С. 201–238.
- [3] Финкель В. Дикинсон и Цветаева. Общность поэтических душ. — Филадельфия, 2003. — 247 стр.
- [4] Dickinson Emily. *The Complete Poems of Emily Dickinson*. Edited by Thomas J. Johnson, 1960. Little, Brown and Company.

- [5] *Dickinson Emily* // Американские поэты в переводах М. Зенкевича. — М.: Художественная литература, 1969. — С. 89–92.
- [6] *Dickinson Emily* // Иностранная литература: Emily Dickinson, Henry Longfellow, “The Song of Haiawatha”, Walt Whitman. — М., 1976. — № 12. — С. 89–97.
- [7] *Dickinson Emily* // Стихотворения и поэмы: Emily Dickenson, Stikhotvorenia. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 427–502.
- [8] *Dickinson Emily* // Стихотворения. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 174.
- [9] *Dickinson Emily* // Поэзия США: Emily Dickinson. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 270–289.

The Poetry of Emily Dickinson and Censorship in the Former Soviet Union* (1969–1982)

Owing to the long years of total isolation and strict censorship, the broad cultural public of the Soviet Union was entirely unaware of Emily Dickinson's poetry, and even of her name. It was only in 1969 that the first translations appeared and the Russian reader received the possibility to get acquainted with her works. True, a rather small number of those who knew English professionally were acquainted with Dickinson's poetry—at any rate, in a 2-volume "History of American Literature," published in 1971 in Moscow [1], among the 24 miniature portraits of famous American authors represented on the fly-leaves of both volumes, there is the portrait of Emily Dickinson. However, on the pages of the 2 volumes of the textbook for students of literature Dickinson and her poetry are not even mentioned! Apparently, the planned text was not included, although her portrait and name remained on the fly-leaves, perhaps by oversight.

Such an absurd mishap could occur only because of the hard-line, narrow-minded Marxist-Leninist ideology imposed on literature by the then dominating Communist Party. The following extracts from the preface to the textbook are a vivid illustration of this ridiculous, fanatic policy:

"Numerous textbook on the history of American literature for higher education institutions are published in U.S.A., but none of them depicts the course of development of American literature objectively. This is understandable: bourgeois literary criticism ignores the leading role of the masses in history... underrates the role of the working people as creators of cultural values..." (p. 4)

"An objective, correct, scientific depiction of the development of American literature is possible only on the basis of a Marxist-Leninist analysis of literary phenomena, on the basis of Lenin's doctrine of two cultures in every national culture, and taking into account Lenin's remarks on the revolutionary traditions of the American people." (p. 5)

---

* Слово/Word. — № 58, 2008. — С. 148 (англ.).

Behind the title page of the book are the words: “Recommended by the Ministry of Education as a textbook for students of Foreign Language Departments of Pedagogical Institutes.” Therefore, the future English language and literature teachers were supposed to remain ignorant of Dickinson’s poetry!

Beyond all question, Emily Elizabeth Dickinson is one of the Great Poets of America and the World. She is great because of the timeless nature of her poetry, which soars above social and technical epochs, over monarchies, despotisms, republics — “I just wear my Wings” (#324) (PNT¹). She deals with the eternal and everlasting values of Nature, the deep fundamentals of Man and appeals only to the Supreme Mind, to the highly intellectual and spiritual Essence of Personality. Soaring over the continents, the countries and the centuries flashing by, the Great poet frequently visits the Past and, what is much more interesting, like a Time Machine, penetrates into the Future. It is not just metaphorically that I speak of the perforation of the boundaries between Yesterday, Today and Tomorrow — a Great Poet, consciously or unconsciously, is capable of visiting, at any rate mentally, the Future, as well as Other Worlds, of foreseeing the future, of being ahead of Time. That is why a Great Poet belongs not only to our World, but to the whole Universe. Emily Dickinson is a poet of this cosmic galaxy. In her poetry the limitless plurality of worlds is acknowledged from the outset — “This World is not Conclusion,” «Наш мир — не завершение...» (#501)² — as well as the infinite vastness and variety of time and space — “Time feels so vast that were it not / For an Eternity — / I fear me this Circumference / Engross my Finitude —” (#802) (PNT).

No wonder Dickinson’s poems are read all over the world. They are read in Russia with great, ever growing interest [2, 3]. The specifics of the Russian translations published in 1969–1982 in the former Soviet Union is the subject of the present paper, which deals primarily with such questions as the relative quantity of the translated poems, the chosen topics, their intellectual, spiritual and scientific content the latter being so great that comparison with the achievements of 20th century physics is suggested to the mind. The precision and literary quality of the translations are also considered here. The present paper is based on five editions of Emily Dickinson’s poems in Russian translation (1969, 1976, 1978, 1981, 1982) [5–9].

The poems and excerpts given here are cited from “The Complete Poems of Emily Dickinson” edited by Thomas H. Johnson [4], where all the poems are numerated. The same numeration is used with our citations.

Emily Dickinson's poetry appears to be concerned chiefly with the following themes: God and Religion, Poetry and the Poet, Death, Wisdom, Science, Destruction. The total number of poems written by Dickinson—1775. Of the original poems, dedicated to religious themes, 13,4% have been translated into Russian. Of the poems dedicated to death—16,7%. The intellectual side is represented more completely—by 17,9%. Science—even better—by 27,8%. This fundamental branch of poetry is translated with undoubted representation, similarly to destruction (59,9%). The international essence of natural sciences or rather their “non-national” nature contributed to this.

What is the reason for this? Why is there such a difference? It is actually very simple. This is a result of censors' work in the period of Cold War. In other words, this is an intrusion of the communist ideology and communist state into literature!

God and Religion

Emily Dickinson's poetry is deeply religious not only terminologically, but in essence as well. It actually contains the whole spectrum of biblical and religious denotations, including the Supreme Mind, Personages, religious historical localities, Names. On the whole, by the most rough estimate, 1775 poems contain at least 764 terms of this kind.

In the period under consideration (1969–1982) Emily Dickinson's poetry was not studied in the Soviet Union, nor was there any analysis of its religious components. The Russian translations that were published did not give a true idea of Dickinson's view of religion as they were at variance with the inexorable anti-religious party line. From the unique, divergent, profuse poetic legacy that dealt with religion, only those poems were tendentiously picked out and translated for the Russian reader which, in the opinion of the party ideologists, expressed Dickinson's ironical, even hostile attitude towards religion. True, there is irony in Dickinson's early poem #185, in which she opposes science to blind “faith”—not to every kind of faith:

“Faith” is a fine invention
 When Gentlemen can see —
 But microscopes are prudent
 In an Emergency.

MR³, VD⁴

Вера — прекрасное изобретение
Для «зрящих незримое», господа.
Но осторожность велит — тем не менее —
И в микроскоп заглянуть иногда.

Next, Dickinson expresses her unacceptability of fundamental religious tenets. She is pessimistic and doubts whether the promise of heavenly life after death can compensate for all the evils people suffer on Earth. This is clear from the concluding lines of poem #301:

I reason, that in Heaven —
Somehow, it will be even —
Some new Equation, given —
But, what of that?

MR, VD

Допустим — в райских селениях
Всё разрешит сомненья
Новое уравнение —
Но что из того

Later, in poem #1551, follows a disdainful, although regretful rejection of belief in God:

Those — dying then,
Knew where they went —
They went to God's Right Hand —
That Hand is amputated now
And God cannot be found.

The abdication of Belief
Makes the Behavior small —
Better an ignis fatuus
Than no illumine at all.

MR, VD

Когда-то — в предсмертный миг —
Знали — ведет напрямик
В Божью Десницу стезя —
Но эта рука ампутирована
И Бога найти нельзя —

Низложение Веры
Наши дела мельчит —
Лучше блуждающий огонек —
Чем ни просвета в ночи.

Finally, with unconcealed contempt for the Gods, in poem #1623 Dickinson asserts that only the human spirit should be relied on.

A World made penniless by that departure
Of minor fabrics begs
But sustenance is of the spirit
The Gods but Dregs

MR, VD

Мир — обнищенный их отъездом —
Ищет ветошь по сходной цене —
Но прокормит его лишь собственный дух —
Боги — спивки на дне.

Such kind of biased selection of material for translation and publication, picked out from the great amount of existing material, is the usual Soviet method of ideological war, misinformation of the public, and, in the present case, anti-religious propaganda.

The translators and publishers of Dickinson's poems were certainly aware of her profound, sincere religiosity, therefore, despite the belligerent anti-religious policy in the former Soviet Union, the problem could not be avoided. Evidence of this is the fact that V. Markova's translation of poem #1601 was made public by the Moscow publishing house "Khudozhestvennaya Literatura":

Of God we ask one favor,
That we may be forgiven —
For what, he is presumed to know —
The Crime, from us, is hidden —

Immured the whole of Life
Within a magic Prison
We reprimand the Happiness
That too competes with Heaven

MD, VD

«Прости нас!» — молим мы
Того — кто нам невидим.
За что? Он знает — говорят —
Но нам наш грех неведом.

В магической тюрьме —
Всю жизнь на свет не выйдем! —
Мы счастье дерзкое браним —
Соперничает с Небом.

On the whole, the translation follows the text, but with one exception — the word “God” is omitted!!! Its replacement by the words “someone invisible to us” made the publication of the poem possible. Indeed, “someone invisible to us” might be anyone. Anyway, the impression produced on an unbiased Russian reader is that the poet is humbly asking some Supreme Power to forgive her for any misdeed she might have unwittingly committed. Emily Dickinson seems to be persistently meditating upon the essence of the Supreme Being, but... on her knees and praying! Dickinson realizes the vital necessity of faith, and in poem #1062 shows how helpless, how desperate one can be when faith in God is lost:

Groped up, to see if God was there —
Groped backward at Himself
Caressed a Trigger absently
And wandered out of Life.

MR

Пошарил — на ощупь — есть ли бог?
Вернулся — на ощупь — в себя самого.
Погладил курок рассеянно —
Побрел наугад — из жизни вон

Actually, Dickinson is deeply religious, as witnessed by a great number of her poems. An example of this is poem #626:

Only God — detect the Sorrow —
Only God —
The Jehovahs — are no Babblers —
Unto God —
God the Son — confide it —

Still secure —
God the Spirit's Honor —
Just as sure —

PNT

In the 8 lines of the poem God is mentioned 5 times, Jehovah—once, the Son—once. the Spirit—once. No wonder the poem was not translated! In the Russian translations the topic “Religion” is represented, therefore, insufficiently. The enormous work of the translators, primarily that of V. Markova and I. Likhachev, was most certainly restricted by the tough anti-religious policy of the ruling communist party. Perhaps because of the poet's belief in the Supreme Being, even the ironic, almost heretical tone of Dickinson's religious poems was hardly permissible by the Russian censorship in Brezhnev's times. Official anti-Semitism, which prevented any mention of Israel, Nazareth, Jerusalem, Canaan, was another obstacle to the publication of over 20 poems of the great poet

Death

The theme of death is one of the most important ones in Dickinson's poetry. An analysis of the key words show that the word Death and contiguous words appear in Dickinson's poems at least 364 times, that is, almost in every fifth poem. This subject is relatively wider presented in Russian translations than that of religion. The reason for this must have been the undeviating aim of Soviet ideologists to present the Western world, and primarily the United States, as the abode of decadence, decay and degradation. Who would mind what century Dickinson lived in, anyway? However, there was a retaining factor—not to infect the Soviet “pure builders of the sterile radiant future” with the germ of pessimism.

Most likely, Dickinson's best poem on this theme is poem #712:

Because I could not stop for Death —
He kindly stopped for me —
The Carriage held but just Ourselves —
And Immortality.

...

MR

Раз к Смерти я не шла — она
Ко мне явилась в дом —
В её Коляску сели мы с
С Бессмертием втроём.

...

Translated by I. Likhachev

Death is often contrasted with Immortality, Life and Beauty in Dickinson's poems, for example, in poem #172:

Life is but Life! And Death, but Death!

MR, VD

Жизнь — только Жизнь. Смерть —

только Смерть.

An optimistic tone sounds in the version of the possibility of Death being defeated by Faith — a word which, besides its religious meaning, also has the meaning of Trust and Hope — as in poem #455:

There's Triumph in the Room
When that Old Imperator — Death —
By Faith — be overcome —

MR

Триумф в четырёх стенах:
Старая владычица — Смерть —
Верой побеждена.

Incidentally, the idea of Death being overpowered not only by Hope and Faith, but also by Love, was expressed by Dickinson more than half a century before the Russian writer Maxim Gorky wrote about Love prevailing over Death in his poem "The Maiden and Death." For example, in poem #924 there are the following lines:

Love — is that later Thing than Death —
More previous — than Life —

PNT

However, for Dickinson death is mainly the reference point, the rating-scale for any phenomenon. Moreover, it is a Science in itself,

comprehensible only to those who had been close to death (poem #539): “The Science of the Grave” (PNT). The experience of impending death is again regarded by Dickinson as a science in poem #740 — “...I have learnt — / An Altitude of Death... / Yet — there is a Science more —” (PNT).

The attitude towards the death of others is a criterion by which one’s own worth can be measured. That is why Dickinson sees a connection between death and such notions as economy (#1184): “The Days that we can spare / Are those a Function die” (PNT).

Emily Dickinson appears to be fascinated by the image of death, which is glorified by her in poem #165 — “the Ecstasy of death” («смерти Экстаз»). Death is poeticized in #1003 (PNT) — “Dying at my music.” However, the poet runs to an extreme, hardly comprehensible, in Poem #241 (PNT) — “I like a look of Agony, / Because I know it’s true —”

In poem #705 (PNT), consisting of eight lines, the word Death is used 3 times, and the words Perish, Die, Annihilation, Immortality are used one time each. This gives an idea of how inherent the theme of death is in Dickinson’s poetry. At least four poems of this cycle were masterfully translated by I. Likhachev — (#712 and #705), and two others — #1078:

The Bustle in a House
The Morning after Death
Is solemnest of industries
Enacted upon Earth —

MR

Вся Суета в дому,
Где совершилась Смерть —
Значительнейшее из дел,
Творимых на Земле —

and #1691:

The overtakelessness of those
Who have accomplished Death
Majestic is to me beyond
The majesties of Earth.

MR

Ненастигаемость того —
Кто Смерть осуществил —
Величественней для меня
Величья на земле.

The publication of the Russian translations of the last two poems was an obvious circumvention of the officially permitted limitations. However, the existence of barriers and obstacles, mostly insurmountable, is manifest from the fact that in those years hundreds of Dickinson's poems remained unknown to the Russian reader, for instance, #976:

Death is a Dialogue between
The Spirit and the Dust.
“Dissolve” says Death— The Spirit “Sir
I have another Trust” —

PNT

Particularly notable is the fact that there was no translation of poem #335. which censors, always on the alert for hidden implications, could have interpreted as insinuating the endless hardships which the Soviet citizens suffered in those years:

‘Tis not that Dying hurts us so —
‘Tis Living— hurts us more —

PNT

Wisdom

The key words defining this category are Infinity, Immortality, Eternity, Life, Everlasting. Their number in Emily Dickinson's poetry is at least 234, and at least 42 (17.9%) in Russian translations. Therefore, it may be concluded that this part of her poetry has been translated well enough; at any rate, in comparison with other sections. This is understandable—the poems of this section were not at variance with the official ideology, so, as always—when rigorous censorship did not interfere, poetry flourished.

Notes

1. The poem was not translated in the years 1969–82 (PNT).
2. All the Russian translations in the present paper, except the ones specifically indicated, are by V. Markova.
3. The meaning is retained in translation (MR).
4. There are vocabulary deviations from the original (VD).
5. The meaning is distorted (MD).

Works Cited

- [1] *History of American Literature*, edited by Professor N. N. Samokhvalov, published by “Prosveshchenie”, Moscow, 1971.
- [2] Финкель В. Поэзия Эмили Дикинсон через призму русского перевода в бывшем Советском Союзе 1976–1982 // Russian Language Journal. — Winter-Spring-Fall, 2000. — Vol. 54, № 177–179. — С. 201–238.
- [3] Финкель В. Дикинсон и Цветаева. Общность поэтических душ. — Филадельфия, 2003. — 247 стр.
- [4] Dickinson Emily. *The Complete Poems of Emily Dickinson*. Edited by Thomas J. Johnson, 1960. Little, Brown and Company.
- [5] Dickinson Emily // *Amerikanskie Poeti v Perevodakh M. Zenkevicha: Emily Dickinson*. Khudozhestvennaya Literatura, Moskva, 1969. P. 89–92.
- [6] Dickinson Emily // *Inostrannaya Literatura: Emily Dickinson, Henry Longfellow, “The Song of Haiawatha”, Walt Whitman*. Moskva, 1976, #12. P. 89–97.
- [7] Dickinson Emily // *Stikhotvorenia i poemi: Emily Dickenson, Stikhotvorenia*. Moskow: Khudozhestvennaya Literatura, 1976. P. 427–502.
- [8] Dickinson Emily // *Stikhotvorenia*. Moskow: Khudozhestvennaya Literatura, 1981. P. 174.
- [9] Dickinson Emily // *Poezia USA: Emily Dickinson*. Moskow: Khudozhestvennaya Literatura, 1982. P. 270–289.

Translated by Ms. Beatrice Yusem.

Виктор Финкель (1930 г. р.) живёт в Филадельфии, США. Опубликовал книги: «Поэты рубежа», «Дикинсон и Цветаева — общность поэтических душ», «Пятьдесят первая командировка», «Водопад смерти», «Любовь и сталь», «Любовь и сталь» (второе дополненное издание), «Орнамент физической лекции», «Портрет трещины» (на русском, английском, венгерском), «Мосты между американской и русской поэзиями», «Штрихи к портрету трещины», «Я люблю тебя, I», «Десант», «“Небеса небес” мои обетованные». Публикации в *The Emily Dickinson Journal*, *Russian Language Journal*, «Новое русское слово», «Слово/Word», «Шалом», «Заметки по еврейской истории», «7 искусств», «Кругозор», «Гостиная», «Мы здесь», «Литературный европеец», «Мосты», «Мастерская», «Зарубежные задворки», «Еврейская жизнь/община», «Навигатор», «Филадельфия», «Посредник», «Новый Континент», «Чайка». Выступил с десятью докладами по вопросам литературоведения на всеамериканских конференциях AATSEEL (*American Association of Teachers of Slavic and East European Languages*), в том числе о творчестве Дикинсон, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака. Одним из результатов исследований явилось обнаружение связи между поэзией Эмили Дикинсон, с одной стороны, и поэзиями Анны Ахматовой и Марины Цветаевой — с другой.

ISBN 978-1-960533-47-0

9 781960 533470